

Научная статья

УДК 81'1

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17302>

EDN: <https://elibrary/XMFREQ>

«НЕ ВСЕГДА ЯСНО...»: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОТЗЫВАХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОППОНЕНТОВ

О.А. Богинская

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

✉ boginskayaoa@ex.istu.edu

Аннотация. Цель настоящего исследования — разработать типологию коммуникативных стратегий отрицания, используемых в жанре отзыва официального оппонента. Типология стратегий опирается на понятие этики экспертной оценки, определяемой как система конвенциональных правил и ограничений, регулирующих оценочное высказывание в жанре отзыва. Актуальность обусловлена, с одной стороны, возрастающей ролью экспертной оценки в системе современной научной аттестации, а с другой — недостаточной изученностью коммуникативного потенциала отрицания в оценочных жанрах научного дискурса. Материалом послужили 60 русскоязычных отзывов официальных оппонентов. Показано, что в жанре отзыва отрицание выполняет широкий спектр функций и является гибким коммуникативным инструментом, позволяющим оппоненту управлять тоном критики и поддерживать профессиональный диалог с соискателем. Выявленное распределение функций отрицания между интеракционными (72,9%) и интерактивными (27,1%) типами отражает два взаимосвязанных аспекта оценочной деятельности эксперта. Преобладание интеракционных функций связано с необходимостью управления межличностными отношениями, тогда как интерактивные функции реализуют логико-аргументативный аспект экспертизы, обеспечивая структурирование критики. Выявлены семь коммуникативных стратегий, реализуемых через дискурсивные функции отрицания: проблематизация, дипломатизация, дистанцирование, коммуникативный баланс, опровержение, эпистемическая категоризация и легитимация. Иерархия данных стратегий отражает базовое противоречие жанра отзыва: оппонент должен быть одновременно критиком и дипломатом, экспертом и собеседником, совмещая объективную оценку с поддержанием конструктивного тона и диалогической перспективы. Полученные результаты вносят вклад в понимание речевого поведения участников научной коммуникации и расширяют теоретические представления о функционировании отрицания в оценочных жанрах.

Ключевые слова: отрицание, отзыв о диссертации, коммуникативная стратегия, дискурсивная функция, этика экспертной оценки.

Для цитирования: Богинская О.А. «Не всегда ясно...»: коммуникативные стратегии отрицания в русскоязычных отзывах официальных оппонентов // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 12–30. DOI: 10.18721/JHSS.17302

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17302>

“IT’S NOT ALWAYS CLEAR...”: NEGATION STRATEGIES IN RUSSIAN DISSERTATION REVIEWS

O.A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation

 boginskayaoa@ex.istu.edu

Abstract. The study aims to develop a typology of the communicative strategies of negation. The typology is based on the concept of ‘ethics of expert evaluation’ as a system of conventional rules and limitations, which regulate evaluative activities of the expert. The relevance of this study stems, on the one hand, from the growing role of peer review in the modern academic certification system, and on the other, from the insufficient research into the communicative potential of negation in the genre of dissertation review. The corpus includes 60 Russian-medium reviews of dissertations. The study demonstrated that negation is a flexible rhetorical tool that allows for solving controlling the tone of criticism and maintaining a professional dialogue with the applicant. The distribution of negation functions between interactional (72.9 %) and interactive (27.1 %) types reflects two interrelated aspects of the expert’s evaluative activity. The predominance of interactional functions is associated with the need to manage interpersonal relationships, while the interactive functions serve the logical and argumentative aspect of the evaluation, structuring critique. The qualitative analysis revealed seven communicative strategies of negation: problematization, diplomacy, assertion of an expert position, communicative balance, refutation, epistemic categorization, and legitimation. The hierarchy of these strategies reflects the fundamental contradiction of the review genre: the opponent must be simultaneously a critic and a diplomat, an expert and an interlocutor. The results contribute to our understanding of the communicative strategies of scientific communication and expand theoretical understanding of the role of negation in evaluative genres.

Keywords: negation, dissertation review, communicative strategy, discursive function, ethics of expert evaluation.

Citation: Boginskaya O.A. “It’s not Always Clear...”: Negation Strategies in Russian Dissertation Reviews, *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 12–30. DOI: 10.18721/JHSS.17302

Введение

Отзыв официального оппонента о диссертации представляет собой один из ключевых жанров научной коммуникации, который создается в ответ на диссертацию и является частью полилога с участием соискателя, оппонентов, членов диссертационного и экспертного советов [1]. Задача оппонента — дать объективную оценку исследованию, выявить сильные стороны работы, указать на недостатки, вовлечь соискателя в диалог через постановку проблемных вопросов. Эта многофункциональность накладывает определенные ограничения на языковое оформление. Эксперт обязан быть убедительным и одновременно дипломатичным, соблюдая нормы академической вежливости.

В российской лингвистике жанр отзыва официального оппонента исследовался в основном сквозь призму его институциональной природы и оценочной доминанты. Отсюда — закономерный интерес к средствам выражения оценки, механизмам хеджирования и бустинга, жанрово-композиционным особенностям этого ключевого элемента защиты. О.С. Баканова, проанализировав 50 отзывов, выделила типичные способы языкового выражения положительной оценки. Автор описала языковые средства, используемые как для усиления, так и для смягчения оценки, позволяющие оппоненту соблюдать этическое и психологическое равновесие в научной коммуникации, не нарушая норм академической вежливости и сохраняя объективность

суждения [2]. Обратившись к организационному аспекту жанра, Ю.А. Петренко обосновала двухуровневую структуру отзыва, включающую характеристику материала и его оценку. Исследователь справедливо подчеркивает, что репрезентация оценки жестко обусловлена параметрами институциональности, предписанными статусами и ролями участников [3].

Значительное внимание в исследованиях отзыва уделено также проблеме диалогичности и управления категоричностью оценки. В работе Е.Ю. Викторовой отмечается, что «официальный отзыв является важным звеном в научном взаимодействии, происходящем в процессе защиты диссертаций» [1, с. 373], а сама процедура защиты представляет собой гипержанр, в рамках которого отзыв выступает как реактивное образование, создаваемое в ответ на диссертацию. В работах, посвященных стратегиям хеджирования, Е.Ю. Викторова определила их как проявление диалогичности письменной научной речи, выявила различия между хеджами и бустерами [4, 5] и предложила типологию хеджинг-стратегий [6]. Аналогичные механизмы управления категоричностью оценки описаны и в [7, 8], где были выделены лексико-синтаксические актуализаторы хеджирования и средства позиционирования, используемые оппонентами.

Анализ предыдущих исследований позволяет выделить несколько отличительных характеристик жанра отзыва, среди которых — реактивность, институциональность и диалогичность. Однако жанрообразующей доминантой остается оценочность. Без экспертного суждения о научной значимости работы отзыв превращается в аннотацию или информационную справку. Именно оценочность, эта эпистемическая оценка научного результата, определяет специфику отзыва. И именно здесь, в зоне пересечения оценки и институциональных ограничений, формируется коммуникативный потенциал отрицания. Потенциал, который до сих пор не был раскрыт.

Цель исследования — на материале русского языка разработать типологию коммуникативных стратегий отрицания, используемых в жанре отзыва официального оппонента. В работе используются две взаимодополняющие теоретические рамки. Модель дискурсивных функций отрицания К. Цзяна и К. Хайленда [5] представляет собой инструмент классификации. Она позволяет систематизировать случаи употребления отрицания по их формальным и семантическим характеристикам и отвечает на вопрос «Какую роль выполняет отрицание в высказывании?». Этика экспертной оценки, основывающаяся на понятиях «культуры отказа» и «эмотивной экологичности» языка, в свою очередь, представляет собой экспланаторный механизм, показывая, почему оппоненты выбирают те или иные стратегии.

Для достижения цели потребовалось решить несколько задач:

- 1) описать дискурсивные функции отрицания в корпусе текстов и выявить языковые средства их актуализации;
- 2) разработать типологию коммуникативных стратегий отрицания, используемых оппонентами;
- 3) установить корреляцию между выделенными стратегиями и дискурсивными функциями отрицания.

Теоретические основы исследования

Оценочность в научном дискурсе. Оценка — неотъемлемая характеристика научной деятельности [7, 9, 10]. Она обеспечивает строгость познания, участвует в конструировании нового знания и организует коммуникативное взаимодействие внутри научного сообщества [11, 12]. Однако было бы ошибкой полагать, что ее функции исчерпываются когнитивными задачами. В научном дискурсе оценка предстает как институционально-этическая практика [13], где выбор языковых средств определяется не только познавательными установками, но и нормами профессиональной этики. Это разграничение — между когнитивным и институционально-этическим — принципиально важно для анализа оценочных жанров. Именно здесь формируются

риторические стратегии, позволяющие эксперту совмещать объективность суждения с соблюдением коммуникативных конвенций.

Как показано в исследовании П.И. Кондратенко [14], экспертная оценка апеллирует не к субъективным предпочтениям, а к коллективно разделяемым дисциплинарным нормам и критериям научности. И это коренным образом отличает оценочную деятельность эксперта в науке от оценочных практик в других сферах. С.Т. Нефедов справедливо отмечает, что оценка есть не что иное, как лингвосемиотический и прагматический ресурс, который, с одной стороны, интегрирует участников дискурса в научную деятельность, а с другой — выступает сигналом их включенности в академическое профессиональное сообщество, скрепленное общими интересами и целями [10].

Таким образом, оценочность пронизывает научную деятельность на всех уровнях. Одним из ее инструментов выступает отрицание, на что, в частности, указывается в работе Е.С. Ключковой, отмечающей, что «в формировании оценочных смыслов воздействуют такие категории, как модальность, отрицание, квантификация, градуальность и т.п.» [15, с. 59]. Опираясь на исследование Е.С. Ключковой, можно заключить, что отрицание является одной из ключевых категорий, участвующих в модификации оценочного значения.

Отрицание как категория оценочности. Отрицание — одна из фундаментальных категорий языка. Его психологическое и, главное, логическое значение колоссально, ведь утверждение и отрицание взаимно обуславливают друг друга, а где нет утверждения, там нет и истины, там нет человеческой мысли [16].

В русском языке категория отрицания характеризуется сложной системой средств выражения. При этом есть показатель отрицания с максимально широкой сочетаемостью — частица *не*. Отрицание выражается также частицей *ни*, местоимениями и наречиями с *ни*- (*никто, ничто, никогда*), предикативными местоимениями с *не*- (*негде, некому*), словами нет, нельзя и другими предикативами, прилагательными и наречиями с префиксом *не*- (*невозможно, нежелательно, немного*) [17]. Кроме того, в русском языке существует и имплицитный способ выражения отрицания, который предполагает, что отрицательное значение содержится в семантике слова или в конструкции и не имеет формального выражения [18]. Однако нужно отметить, что в отличие от разговорного языка или языка художественной литературы случаи имплицитного отрицания в меньшей степени характерны для языка отзыва, где институциональность требует эксплицитности и формальной определенности оценочного суждения. Имплицитное отрицание, основанное на иронии, столь частое в разговорной речи, не соответствует требованиям институциональной прозрачности, поскольку не позволяет соискателю однозначно идентифицировать характер критического замечания. Именно поэтому в исследуемом корпусе доминирующую роль играют эксплицитные отрицательные конструкции, что повлияло на методологическое решение ограничить анализ только эксплицитными маркерами отрицания.

В научной коммуникации отрицание приобретает особую значимость. Оно участвует в позиционировании автора по отношению к высказыванию, в структурировании аргументации и в управлении межличностными отношениями. К. Цзян и К. Хайленд отмечают, что отрицание способствует проекции отношения автора к пропозициям и предвосхищению альтернативных мнений читателей [5]. М. Парвиз и Ц. Чжан добавляют, что отрицание, охватывающее широкий спектр формальных проявлений, выполняет в научном дискурсе важную функцию, связанную с выражением контраста, исключения и эпистемической позиции [19].

Особый интерес представляет функционирование отрицания в оценочных жанрах научного дискурса — рецензиях, отзывах, экспертных заключениях. Здесь оно становится одним из основных инструментов выражения критической позиции. Важное теоретическое наблюдение о механизме возникновения оценочных имплицатур через отрицание было сделано С.Т. Нефедовым [20]. Исследуя немецкоязычный научный дискурс, он показал, что высказывания с

отрицанием служат для обозначения отклонения наличного положения дел от ожидаемого. Отсутствие ожидаемого, рассматриваемое в свете общепринятых конвенций, имплицитно негативную оценку. Этот механизм, как представляется, используется и в отзывах. Оппоненты, указывая на недостатки, именно так и строят свои замечания: они апеллируют к дисциплинарным нормам и констатируют их нарушение.

Однако для анализа того, как отрицание реализует свои оценочные функции, необходим более детальный инструментарий. Таким инструментарием выступает модель, предложенная К. Цзяном и К. Хайлендом [5].

Модель дискурсивных функций отрицания. Выбор этой модели методологически оправдан. Во-первых, в ней последовательно разграничиваются интерактивные и интеракциональные функции отрицания. Это членение охватывает оба основных измерения академического дискурса – логико-аргументативное, связанное со структурированием содержания, и интеракциональное, касающееся управления отношениями между участниками коммуникации. Во-вторых, эвристическая ценность модели подтверждена эмпирически в исследовании Ю. Юаня, Л. Лю и К. Цзяна [9], где она была применена к материалу англоязычных рецензий на статьи. Модель позволяет эксплицировать дифференциальные признаки выделяемых функций, опираясь на их формальные и семантические характеристики.

В русле данной модели выделяются два типа функций отрицания. К интерактивному типу относятся функции, связанные со структурированием дискурса, организацией информационных потоков и маркированием логических связей между элементами высказывания, – сопоставление, добавление и следствие. Сопоставление предполагает включение отрицания в контрастивные конструкции, сигнализируемые союзами и наречиями противительной семантики (*но, однако*), где отрицательный компонент участвует в противопоставлении двух или более элементов высказывания. Добавление реализуется в координативных структурах с кумуляцией отрицательных элементов (*ни... ни, повторяющееся не*), создающих эффект накопления и усиления отрицательного значения. Функция следствия указывает на отсутствие ожидаемого результата исследования или аргументации, причинно-следственной связи или корректности методологического решения, что придает высказыванию полемический характер.

Ко второму типу – интеракциональному, ориентированному на выражение субъективной позиции автора, – относятся функции маркирования отношения пишущего к пропозициональному содержанию и к адресату. Хеджирование предполагает комбинацию отрицания с эпистемическими маркерами (*не вполне, не совсем, не всегда*), выполняющими функцию смягчения категоричности высказывания. Усиление реализуется через сочетание отрицания с интенсификаторами (*абсолютно не, совершенно не*), что придает высказыванию повышенную степень категоричности и уверенности автора в своем суждении. Наконец, выражение оценки охватывает случаи употребления отрицания в конструкциях, эксплицирующих критическое отношение, согласие или несогласие (*не представляется убедительным, не вызывает сомнения*). В рамках данной функции выделяются пять типов реализации:

1) прямая оценка, которая представляет собой наиболее эксплицитный способ выражения оценочного отношения, характеризуется сочетанием отрицания с оценочным предикатом и служит констатации несоответствия работы дисциплинарным нормам (*не соответствует, не обоснован*);

2) дистанцированная оценка, коммуникативная функция которой – субъективизация оценки, снижение категоричности суждения, сохранение «лица» адресата (*не представляется, не кажется*);

3) литотическая оценка, усиливающая уверенность в справедливости суждения через отрицание возможности сомнения (*не вызывает сомнения*);

4) имплицитная оценка, констатирующая отклонения от нормы без формулировки прямой оценки (*не следует, не позволяют, невозможно*);

5) превентивная оценка, управляющая восприятием последующих критических замечаний и деинтенсифицирующая их негативный потенциал (*не умаляют достоинств*).

В табл. 1 представлены дискурсивные функции отрицания, проиллюстрированные примерами.

Таблица 1. Дискурсивные функции отрицания
Table 1. Discursive functions of negation

Дискурсивная функция	Описание	Пример
Сопоставление	Отрицательная конструкция входит в контрастивные структуры, маркируемые союзами и наречиями противительной семантики. Через контраст между заявленным и осуществленным фиксируется несоответствие работы дисциплинарным ожиданиям, что воспринимается как негативная оценка методологической последовательности или внутренней логики исследования.	<i>Автор обращается к данному материалу, но не дает его системного анализа.</i>
Добавление	Отрицательные элементы накапливаются в координативных конструкциях, создавая эффект кумулятивной критики. Последовательное перечисление отклонений от нормы создает эффект системного недостатка, усиливая негативный оценочный эффект.	<i>В работе не представлен обзор литературы по данной проблеме, не определены критерии отбора материала.</i>
Следствие	Отрицательная конструкция указывает на отсутствие, неполноту или несостоятельность того элемента исследования, который логически ожидается в рамках дисциплинарных норм и жанровых конвенций.	<i>Данный вывод не следует из представленного анализа.</i>
Хеджирование	Отрицательная конструкция сочетается с эпистемическими маркерами, выполняющими функцию смягчения категоричности высказывания. Создает градуальный эффект, оставляя пространство для диалога, частичного согласия и последующего уточнения позиции.	<i>Мы не вполне согласны с данным утверждением.</i>
Усиление	Отрицательная конструкция сочетается с интенсификаторами, выполняющими функцию усиления категоричности высказывания. Закрывает диалогическую перспективу, представляя оценку как безапелляционную.	<i>Данный подход абсолютно не обоснован.</i>
Выражение оценки	Отрицательная конструкция используется для формулирования оценочного суждения, выражающего критическое отношение, неудовлетворенность, согласие или несогласие оппонента с позицией соискателя. Непосредственно передает отношение оппонента к работе, ее отдельным аспектам или позиции автора.	<i>Не представляется убедительным...</i>

Поясню, что все выделенные функции отрицания в жанре отзыва так или иначе участвуют в реализации оценочности. Различие между ними состоит в том, как именно оценочность эксплицируется. Функция «выражение оценки» представляет собой наиболее прямой способ. Хеджирование и усиление градуируют категоричность оценки, смягчают или усиливают ее. Следствие, сопоставление и добавление указывают на отклонение от нормы, и сам этот акт указания в институциональном контексте экспертизы воспринимается как оценочный.

Следует, однако, подчеркнуть, что данная модель, будучи эффективным инструментом классификации, не дает ответа на вопрос, почему оппоненты выбирают ту или иную стратегию оценки. Для объяснения этого выбора необходимо обратиться к институциональным нормам и конвенциям, определяющим речевое поведение экспертов.

Этика экспертной оценки. Данное понятие развивает концепцию «культуры отказа», разрабатываемую в российской лингвистике В.Е. Чернявской [21]. Понятие «культура отказа» используется для описания социального и профессионального взаимодействия участников научного сообщества в условиях осознаваемой научной состязательности. Как отмечает исследователь, «непризнание результата, негативная критика являются неустрашимыми составляющими научной деятельности» [Там же, с. 958]. «Культура отказа» трактуется при этом как совокупность дискурсивных практик, в которых эксперты оказываются перед необходимостью совмещать объективную критическую оценку с поддержанием конструктивного тона, не усугубляя негативных последствий для профессиональной репутации коллеги.

В [22] констатируется, что академическая среда сама по себе есть не что иное, как культура отказа (*rejection culture*), а само слово *rejection*, по справедливому замечанию авторов, несет отчетливо негативный заряд. Н. Дей [23] идет дальше, отмечая, что для некоторых ученых отказы — это не просто досадная формальность, а эмоционально травмирующий опыт, способный ощутимо снизить творческую отдачу, продуктивность и профессиональное удовлетворение. Эти выводы, как легко заметить, вполне созвучны характеристике экспертной оценки как институциональной практики, в которой тональность критики становится тем самым решающим фактором — именно она определяет, как адресат воспримет вынесенное суждение [24].

Таким образом, в исследовательской традиции фиксируется, что экспертная оценка представляет собой не только фильтр качества, но и механизм идентификационного давления, требующий от участников научной коммуникации особых коммуникативных стратегий, позволяющих смягчать негативное воздействие критики на адресата.

«Культура отказа» в отзыве приобретает риторико-коммуникативный характер: она проявляется не в вердикте, а в способах выражения оценки. Во избежание теоретической несостоятельности использования понятия, которое по определению предполагает наличие институционального решения об отклонении, в данной работе предлагается использование понятия «этика экспертной оценки» для обозначения системы практических условий, ограничений и конвенций, регулирующих оценочное высказывание в жанре отзыва. Данное понятие не отменяет и не дублирует «культуру отказа», а дополняет и конкретизирует ее применительно к жанру отзыва, где институциональное решение об отказе отсутствует, а потребность в управлении критической оценкой сохраняется.

Кроме того, понятие этики экспертной оценки созвучно и концепции экологической эмотивности, разрабатываемой В.И. Шаховским, которая представляет собой защиту человека от деструктивного употребления языка. В.И. Шаховский формулирует этический принцип, регулирующий отношение к адресату: язык не должен травмировать человека [25]. Это уровень общей максимы, отвечающий на вопрос о том, как следует относиться к адресату. Однако в отличие от экологической эмотивности, которая задает общий вектор поведения говорящего, этика экспертной оценки формулирует конвенциональные правила и ограничения, которые регулируют поведение эксперта в строго заданном институциональном контексте. Она предлагает систему механизмов, которые непосредственно регулируют языковой выбор эксперта, отвечая на вопрос, с опорой на какие механизмы эксперт должен реализовать эти ограничения в своей речи. К числу таких механизмов можно отнести нормоцентричность оценки, то есть апелляцию не к субъективному мнению, а к коллективно разделяемым дисциплинарным нормам и критериям научности; сохранение «лица» адресата, предполагающее, что критическое замечание не будет ставить под сомнение его общую профессиональную компетентность; поддержание диалога, открывающее возможность ответной реакции соискателя; ситуативную допустимость категоричности лишь в исключительных случаях, когда работа вступает в очевидное противоречие с дисциплинарными стандартами.

Материал и методология исследования

Эмпирической базой настоящего исследования послужили отзывы официальных оппонентов, размещенные на официальных сайтах диссертационных советов российских университетов и научных организаций: Института филологии Сибирского отделения РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Кемеровского государственного университета, Волгоградского государственного университета, Государственного университета просвещения и Челябинского государственного университета.

При формировании корпуса были применены три критерия отбора. Во-первых, в корпус включались исключительно отзывы о диссертациях на соискание ученой степени кандидата или доктора филологических наук, что позволило минимизировать междисциплинарные вариации. Во-вторых, анализу подвергались только отзывы официальных оппонентов, то есть те тексты, которые в системе диссертационной экспертизы выполняют функцию внешней независимой оценки и обладают наибольшей критической направленностью. В-третьих, временной диапазон — с 2020 по 2026 г. — позволил отразить современные практики экспертного дискурса.

На основе указанных критериев сформирован корпус из 60 отзывов. Этого объема, как представляется, достаточно для выявления устойчивых коммуникативных стратегий. В соответствии с этическими требованиями все персональные данные были удалены.

Анализ данных проводился в несколько этапов с использованием методов корпусной лингвистики и интерпретативного анализа.

- 1) Все отзывы, извлеченные с официальных сайтов, были преобразованы в текстовый формат.
- 2) Для автоматизированного поиска отрицательных конструкций использовалось программное обеспечение AntConc (Version 4.2.0). Сфера анализа ограничивалась только эксплицитными маркерами отрицания, поскольку имплицитные способы, как справедливо показано в [20], требуют иного аналитического инструментария и выходят за рамки настоящего анализа.
- 3) Все извлеченные случаи употребления отрицательных маркеров были подвергнуты ручной проверке. Поскольку предметом является коммуникативный потенциал отрицания в оценочных высказываниях, из анализа исключались случаи отрицания, не выполняющие оценочной функции: отрицание в составе устойчивых клишированных выражений (*нельзя не отметить*); отрицание в цитатах и примерах, приводимых оппонентом из текста диссертации; случаи двойного отрицания, где отрицательные маркеры взаимно нейтрализуются и не создают отрицательного смысла (*не мог не заметить*).
- 4) Для каждой функции отрицания и каждого маркера отрицания были подсчитаны абсолютные частотности и процент от общего числа.
- 5) На основе анализа дискурсивного окружения отрицательных маркеров были выделены коммуникативные стратегии отрицания. Каждая стратегия была соотнесена с соответствующей функцией используемой модели и механизмами этики экспертной оценки.

Результаты исследования

Результаты анализа частотности дискурсивных функций отрицания представлены в табл. 2.

В корпусе доминируют интеракциональные функции: почти три четверти всех случаев отрицания служат выражению позиции автора отзыва, тогда как на тексторганизирующие стратегии приходится немногим более 27%. Соотношение красноречивое. Оппоненты обращаются к отрицанию преимущественно тогда, когда задача связана с открытым выражением субъективного мнения и экспертной позиции.

В интерактивном контексте главное функциональное назначение отрицания — оспаривание методологической корректности, выявление несостоятельности интерпретационных решений,

Таблица 2. Частотность дискурсивных функций отрицания
Table 2. Frequency of the discursive functions of negation

Функция	Частотность	%
<i>Интерактивные функции</i>		
Следствие	31	13,1
Сопоставление	18	7,6
Добавление	15	6,4
	64	27,1
<i>Интеракционные функции</i>		
Выражение оценки	117	49,6
Усиление	6	2,5
Хеджирование	49	20,8
	172	72,9
Итого	236	100

демонстрация отсутствия ожидаемого результата. Именно этими задачами объясняется доминирование следствия в составе интерактивных функций. В интеракционном контексте, напротив, наиболее отчетливо заявляет о себе функция выражения оценки, охватывающая почти половину всех случаев. Подобное распределение не случайно: оно находится в полном соответствии с институциональным статусом оппонента, призванного осуществлять экспертизу научной значимости. Доля отрицательных конструкции с хеджами меньше. Это объясняется жанровыми ожиданиями: от официального оппонента требуется определенная степень прямоты и аргументированной категоричности. Избыточное смягчение рисковало бы быть истолкованным как неопределенность или уклончивость. Вместе с тем само наличие хеджирования свидетельствует о том, что соблюдение норм академической вежливости остается для оппонентов значимым фактором.

Частотность маркеров отрицания показана в табл. 3.

Таблица 3. Частотность маркеров отрицания
Table 3. Frequency of negation markers

Маркер	Частотность	%
Частица <i>не</i>	185	78,4
Префикс <i>не-</i> (невозможно, неясно, непонятно, нелогично, недостаточно, несбалансированный)	22	9,3
Местоимения <i>никакой</i> (-ая, -ие), <i>ничто</i>	12	5,4
Союз <i>ни... ни</i>	10	4,3
Предикатив <i>нет</i>	3	1,3
Наречия <i>нигде, никогда</i>	3	1,3
Всего	236	100

Здесь мы видим абсолютное доминирование частицы *не*, на долю которой приходится 78,4% всех выявленных случаев. Полученные данные коррелируют с выводами предшествующих исследований как в области русской грамматики [17, 18], так и в зарубежной лингвистике [5, 9, 19, 26], где базовые отрицательные операторы занимают сходное положение.

Ниже рассмотрим выделенные функции отрицания в рамках двух выделенных контекстов.

Интерактивные функции отрицания. Показательным в отношении следствия представляется следующий фрагмент, иллюстрирующий, как отрицание служит средством выявления методологических дефектов в диссертационном исследовании.

*Из приведенных данных **не следует** тот вывод, к которому приходит автор.*

Отрицание направлено не на эмпирические данные как таковые, а на их интерпретацию, что позволяет оппоненту оспаривать не факты, а сам способ их осмысления. Глагол *следует* с отрицанием сигнализирует о нарушении причинно-следственной связи, о разрыве между эмпирической базой и выводами. В этом отношении отрицание выступает как орудие проблематизации, как инструмент вскрытия несоответствия между декларируемым и реализованным. При этом отсутствие прямой оценочной лексики сохраняет за высказыванием статус объективной констатации, что и требуется жанровой природой отзыва.

Сопоставительное отрицание маркирует контрастивные отношения между элементами текста. В отзывах эта стратегия используется для указания на несоответствия или противоречия в работе:

*Объект исследования определен слишком обще, «...звучащая речь немцев (все-таки немцев?)-менонитов плодитч» (с. 4) является скорее **не** объектом, а материалом исследования.*

Конструкция *скорее не X, а Y* реализует типичное для сопоставительного отрицания замещение одной категории другой. Вводимое наречием *скорее* смягчение не является случайным стилистическим нюансом, а представляет собой осознанный прием деинтенсификации, благодаря которому критика из констатации ошибки превращается в рекомендацию по уточнению терминологического аппарата. Вопросительная вставка (*все-таки немцев?*) дополнительно переводит замечание из регистра безапелляционного утверждения в регистр уточняющего вопроса. Подобные ходы выполняют двойную функцию: они позволяют эксперту указать на нарушение дисциплинарных конвенций, не подвергая сомнению общую компетентность соискателя и не блокируя возможность дальнейшего диалога.

Отрицание в контексте добавления реализуется в координативных конструкциях, накапливающих отрицания (*ни... ни, повторяющееся не*):

*В работе **не представлен** критический анализ источников, **не обоснован** выбор методов исследования.*

Отрицание повторяется дважды, создавая эффект кумулятивной критики. Каждое отрицание само по себе — полноценное замечание, но их последовательное перечисление усиливает общее впечатление методологической несостоятельности. Оба отрицания относятся к одному объекту (*в работе*), создавая единое негативное поле. Как показал анализ, эта стратегия используется относительно редко, поскольку накопление критики может восприниматься как излишне жесткое.

Интеракционные функции отрицания. Среди интеракционных функций наиболее частотной, как показывают полученные данные, оказалось выражение оценки. Оппоненты, как правило, прибегают к отрицанию для формулирования критических суждений, открыто выражая свое отношение к рецензируемой работе:

***Не представляется** убедительным решение автора исключить из анализа значительный пласт материала.*

Здесь отрицание реализует дистанцированную оценку через конструкцию с глаголом субъективного восприятия не представляется, создающим эффект отстраненности. В.Е. Чернявская определяет такую стратегию как “non-attendance of first-person pronouns in peer-reviewer’s identification” [27] (отказ от авторизации от первого лица), цель которой — объективация оценки с помощью выведения субъекта речи из высказывания. Суть данной стратегии заключается в том, что рецензент сознательно избегает использования местоимений первого лица и заменяет их безличными или дистанцированными конструкциями. Это позволяет представить оценку не как личное мнение эксперта, а как вывод, основанный на разделяемых дисциплинарных нормах, что объективирует суждение и придает ему дополнительный авторитет. Конструкция

не представляется выводит субъекта речи из высказывания, создавая эффект отстраненности, но при этом сама структура оценки имплицитно указывает на то, что решение соискателя не соответствует ожиданиям эксперта.

Внимания заслуживает пример, в котором оценка в отрицательной конструкции служит эпистемической категоризации:

*Данные факты, по нашему мнению, **не требуют** проверки и доказательства при помощи научных методов.*

Функция здесь — не просто констатация отсутствия необходимости проверки, а категоризация знания. Отрицание разделяет факты на те, которые требуют проверки (сомнительные, новые), и те, которые в этом не нуждаются (очевидные, аксиоматические).

Наконец, пример, характерный для жанра, где отрицание выполняет превентивную функцию.

*Нижеследующие критические размышления, комментарии, вопросы и рекомендации **не умаляют** достоинств рассматриваемого научного сочинения.*

Оппонент, предвзяв критику, прибегает к специальной оговорке, цель которой — деинтенсификация потенциально негативного восприятия последующих замечаний. Такая превентивная риторика, в терминах Т.В. Лариной, представляет собой «коммуникативный подарок» [28] — своеобразный аванс доброжелательности, который эксперт дарит автору, заранее признавая достоинства работы. Такая превентивная риторика отвечает жанровой потребности в балансе между критикой и признанием достоинств [27]. Отрицательная конструкция — это уже не просто критика, а метаоценка. Оппонент оценивает собственные замечания: они достоинств работы не умаляют.

И здесь — следующий пример, не менее показательный:

***Не вызывает** сомнения мысль о том, что структура текста-стимула имплицитно оказывает влияние на структуру текста-реакции.*

Перед нами — литота. Утверждение формулируется через отрицание противоположного. Отрицание здесь не смягчает, как можно было бы подумать. Напротив — усиливает. Уверенность тем выше, чем категоричнее отрицается возможность сомнения.

Еще один пример, где отрицание реализовано двумя маркерами, усиливающими друг друга:

*Высказанные же по ходу отзыва замечания являются **не более чем** очень частными репликами, **никак не** влияющими на целиком и полностью положительный финальный вывод.*

Рассматриваемый фрагмент также репрезентирует собой реализацию превентивной функции отрицания. Оппонент, завершая экспертизу, прибегает к самоограничению статуса собственных критических реплик, квалифицируя их как *не более чем частные*. Тем самым блокируется сама возможность интерпретации высказанных замечаний в качестве основания для пересмотра положительного вердикта. Данный риторический ход решает одновременно несколько институционально значимых задач. Во-первых, он обеспечивает сохранение «лица» адресата, поскольку недостатки работы подаются как не имеющие системного характера. Во-вторых, он поддерживает диалогическую перспективу, нейтрализуя негативный потенциал критики и не оставляя у соискателя ощущения несправедливости. В-третьих, он аргументативно укрепляет финальное заключение, делая его безусловным и непротиворечивым. В терминах этики экспертной оценки данный ход представляет собой концентрированное воплощение двух ее фундаментальных механизмов — сохранения «лица» адресата и поддержания диалога. Отрицание здесь выступает не столько как логическая операция, сколько как риторический инструмент управления восприятием критики, обеспечивающий гармоничное завершение институционального взаимодействия.

Иную задачу решают отрицательные конструкции с хеджами на уровне отдельных оценочных суждений. Здесь отрицание работает не с восприятием критики в целом, а с интенсивностью каждого конкретного замечания. Задача хеджирующего отрицания — смягчить, сделать критику

менее резкой, представить недостатки диссертационного исследования менее заметными и значимыми, уменьшая интенсивность проявления оценочного признака и указывая на неабсолютный характер оценки [8]. Тем самым на микроуровне реализуется тот же принцип сохранения «лица» адресата и поддержания диалога, но уже в рамках отдельного высказывания, а не всего текста отзыва в целом.

Не вполне соглашусь с трактовкой автора, но признаю ее оригинальность.

Сочетание частицы *не* с наречием *вовне* имеет градуальный эффект. Несогласие оказывается частичным, оставляющим пространство для диалога. Противопоставительный союз *но* вводит компенсирующую часть: признание оригинальности, что уравнивает критику. Хеджирование здесь — не просто стилистический прием. Оппонент сохраняет институциональную функцию критика, но не переходит в конфронтацию.

Вот еще один пример из той же серии:

Во-вторых, в тексте не всегда приведены ссылки на страницы источников.

В отличие от категоричного отрицания, указывающего на недостаток прямо, здесь он представлен как регулярный, а не как абсолютный. П.И. Кондратенко [29] отнесла подобные конструкции к ядерным средствам деинтенсификации. Они позволяют эксперту указать на проблему, сохраняя объективность и избегая излишней категоричности.

Особого внимания заслуживает пример, где смягчение достигается синтаксической конструкцией:

Если в китайском языке практически отсутствуют нейтральные определения запаха, то не формирует ли это особую «антропоцентрическую негативную ольфакторную картину мира»?

Риторический вопрос позволяет оппоненту не столько вынести вердикт, сколько обозначить проблемное поле для совместного обсуждения — представить критическое суждение как альтернативное мнение [27]. В терминах этики экспертной оценки в данном примере реализуется механизм поддержания диалога, поскольку соискатель оказывается не пассивным получателем критики, а активным участником обсуждения, что способствует сохранению его профессионального «лица».

И, наконец, функция усиления. В корпусе она представлена сравнительно небольшим числом случаев.

Предложенная классификация абсолютно не соответствует традициям отечественной школы.

Наречие *абсолютно* усиливает отрицание до предельной степени категоричности, исключая какую бы то ни было возможность компромисса или частичного согласия. Примечательно, что оппонент в данном случае апеллирует не к своему субъективному мнению, а к устоявшейся научной традиции, что придает высказыванию дисциплинарную значимость и одновременно снижает его уязвимость для оспаривания. Усиливающее отрицание маркирует, таким образом, ситуацию, в которой, по убеждению оппонента, работа вступает в серьезное противоречие с общепринятыми в дисциплине нормами. Сходный механизм обнаруживается и в следующем примере:

Данный подход отнюдь не является новым в лингвистике.

Наречие *отнюдь* выполняет функцию усиления отрицания, создавая эффект дезавуирования: оппонент решительно отвергает претензию на научную новизну, не оставляя пространства для дискуссии. Такая конструкция может быть воспринята как нарушение норм академической вежливости.

В процессе кодирования отрицательных конструкций в корпусе отзывов были выявлены случаи, которые не поддавались однозначной категоризации в рамках используемой модели. Ниже представлен один из наиболее репрезентативных примеров.

Автор ни в первой, ни во второй части работы не дает развернутого определения ключевого термина, хотя во введении заявляет о необходимости терминологической четкости.

Здесь можно выделить три функции отрицания – добавление (кумулятивное отрицание), следствие (отсутствие ожидаемого результата), сопоставление (контраст между заявлением и реальностью). Представляется, что доминирующей функцией отрицания здесь является следствие, поскольку основная интенция оппонента – указать на отсутствие определения ключевого термина (отклонение от нормы). Добавление (*ни... ни*) усиливает эффект системности недостатка, а сопоставление подчеркивает противоречие.

На основе рассмотренных выше функций, отвечающих на вопрос, какую роль выполняет отрицание в оценочном жанре, были выделены коммуникативные стратегии, показывающие, с какой целью отрицание используется (табл. 4).

Таблица 4. Соотношение коммуникативных стратегий, дискурсивных функций отрицания и механизмов этики экспертной оценки
Table 4. Correlation between the communicative strategies, the discursive functions of negation and the expert evaluation ethics mechanisms

Коммуникативная стратегия	Функция отрицания	Механизм этики экспертной оценки
Проблематизация	Следствие Добавление Сопоставление Выражение прямой оценки	Нормоцентричность
Дипломатизация	Хеджирование	Сохранение «лица» адресата, поддержание диалога
Дистанцирование	Выражение дистанцированной оценки	Нормоцентричность
Коммуникативный баланс	Выражение превентивной оценки Хеджирование	Поддержание диалога
Опровержение	Усиление	Ситуативная допустимость категоричности
Эпистемическая категоризация	Выражение имплицитной оценки	Нормоцентричность
Легитимация	Выражение литотической оценки	Сохранение «лица» адресата

Соотношение коммуникативных стратегий и дискурсивных функций не является однозначным: одна и та же функция может воплощать разные стратегии, и, напротив, одна стратегия может реализоваться через разные функции. Так, функция «выражения оценки» оказывается наиболее гибкой: в зависимости от подтипа реализации (прямая, дистанцированная, литотическая, имплицитная, превентивная) она может быть задействована в стратегиях проблематизации, дистанцирования, коммуникативного баланса, эпистемической категоризации и легитимации. Хеджирование, в свою очередь, реализует как стратегию дипломатизации, так и стратегию коммуникативного баланса. Напротив, интерактивные функции участвуют только в реализации стратегии проблематизации, что объясняется их логико-аргументативной природой. Усиление коррелирует исключительно со стратегией опровержения, что делает эту стратегию наиболее категоричной и, как следствие, наименее частотной.

Добавлю, что представленная иерархия стратегий отражает не столько жесткое закрепление функций за стратегиями, сколько зоны их пересечения, где выбор конкретного языкового средства определяется коммуникативной задачей и контекстуальными факторами. Именно это пересечение и есть пространство этики экспертной оценки. Оппонент должен критиковать. Но – сохраняя конструктивный тон. Это противоречие пытаются разрешить ядерные стратегии – проблематизация и дипломатизация, – которые непосредственно реализуют два механизма: нормоцентричность и сохранение «лица» адресата. Периферийные же актуализируются в исключительных случаях.

Используя стратегию проблематизации, оппонент апеллирует не к своему субъективному мнению, а к дисциплинарным нормам, к стандартам аргументации. Указывая на отсутствие логических связей или на методологические просчеты или прямо констатируя несоответствие работы дисциплинарным нормам, он действует строго в рамках предписанной роли.

Дипломатизация задействует механизмы сохранения «лица» адресата и поддержания диалога. Хедж в отрицательной конструкции придает высказыванию градуальный характер, вследствие чего критика утрачивает безапелляционность и трансформируется в приглашение к дискуссии, защищая адресата от деструктивного воздействия [25]. Указанное построение позволяет оппоненту сохранять критическую функцию, не переходя в открытую конфронтацию.

На втором уровне — дистанцирование, коммуникативный баланс и легитимация. Они реализуют институциональный статус оппонента как эксперта, уполномоченного выносить суждения о научной значимости работы, и обеспечивают управление восприятием критики. Их частотность ниже, чем у первых двух, но они остаются значимыми, поскольку без них оппонент не мог бы в полной мере реализовать свою экспертно-оценочную функцию. Как и стратегия проблематизации, дистанцирование реализует механизм нормоцентричности. Посредством дистанцированных оценочных конструкций (*не представляется, не кажется*) оппонент представляет оценку как вывод, основанный на профессиональном опыте и на разделяемых дисциплинарных нормах, что позволяет сохранять авторитет суждения, не вступая в открытое противостояние с автором работы. Несмотря на формальное использование глаголов субъективного восприятия, эти конструкции не столько выражают личное мнение, сколько объективируют его, выводя субъекта речи из высказывания и создавая эффект отстраненности. Именно эта отстраненность и позволяет сохранять авторитет суждения, не вступая в открытое противостояние с автором работы.

Стратегия коммуникативного баланса функционирует на метауровне, реализуя механизм поддержания диалога через превентивную риторику. Оппонент, как правило, предваряет развернутый блок критики специальной оговоркой, цель которой состоит в деинтенсификации потенциально негативного восприятия последующих замечаний и в эксплицитном признании бесспорных достоинств рецензируемого труда. Данная стратегия реализуется через конструкции, отрицающие снижение ценности работы в силу высказываемых замечаний (*не умаляют достоинств*), что позволяет оппоненту сглаживать острые углы и предотвращать конфликтную интерпретацию последующих критических суждений.

Наконец, стратегия легитимации реализует механизм сохранения «лица» адресата через логическое утверждение (*не вызывает сомнения*). Отрицание здесь — это уже не критика. Это инструмент консенсуса и поддержки. Признание достоинств работы создает тот самый коммуникативный фон, который смягчает восприятие последующих замечаний.

На периферии — стратегии опровержения и эпистемической категоризации. Опровержение — предельный случай, ситуативная допустимость категоричности. К усиливающему отрицанию оппонент прибегает только тогда, когда работа вступает в очевидное противоречие с дисциплинарными стандартами. Но и в этом случае — анализ это подтверждает — апелляция обращена не к субъективному мнению, а к дисциплинарным нормам.

Эпистемическая категоризация принципиально отличается от прочих стратегий: объектом ее является не критика как таковая, а разграничение знания по его эпистемическому статусу — очевидное / неочевидное, доказуемое / недоказуемое, требующее проверки / не требующее проверки. Соответственно, и коммуникативная задача, решаемая данной стратегией, носит иной характер: оппонент не столько указывает на недостаток, сколько определяет статус того или иного элемента научного знания. Преимущественно такая необходимость возникает при оценке методологической обоснованности работы либо при определении границ применимости полученных результатов. Низкая частотность эпистемической категоризации в исследуемом корпусе

обусловлена рядом системных факторов. Во-первых, в жанре отзыва центральной коммуникативной задачей является либо выявление недостатков (стратегия проблематизации), либо подтверждение достоинств (стратегия легитимации). Оппонент, как правило, сосредоточен на том, что соискатель не учел, упустил или допустил методологический просчет, а не на констатации того, что некое положение не требует доказательств. Во-вторых, даже в тех случаях, когда оппонент мог бы прибегнуть к эпистемической категоризации, он нередко выбирает иные стратегии, позволяющие выразить ту же интенцию с дополнительным прагматическим эффектом. Так, вместо констатации «это положение не требует доказательства» оппонент выбирает легитимацию (*не вызывает сомнения*), которая не только констатирует статус знания, но и оказывает адресату коммуникативную поддержку. Таким образом, низкая частотность эпистемической категоризации обусловлена жанровой спецификой отзыва.

Заключение

Выделенные стратегии отрицания — это не что иное, как конкретные экспликации механизмов оценки. Каждая из семи стратегий по-своему — и это важно подчеркнуть — реализует институциональную логику экспертного оценивания. Даже стратегия опровержения не выходит за рамки налагаемых ограничений, поскольку оппонент апеллирует не к субъективному мнению, а к дисциплинарным нормам. И это — решающий аргумент, подтверждающий институциональную природу его высказывания. Низкая частотность опровержения — не случайность: система ограничений регулирует речевое поведение экспертов. Допускает категоричность — но только в исключительных случаях.

Предложенная типология стратегий отрицания эксплицирует те лингвосемиотические механизмы, посредством которых участники научной коммуникации реализуют институциональные задачи, опираясь на механизмы этики экспертной оценки. Поскольку каждое сообщение должно обладать терапевтическим воздействием [30], осознанный выбор стратегии отрицания позволит оппоненту совместить объективность критики с сохранением психологического комфорта адресата.

Таким образом, исследование вносит вклад в понимание того, как абстрактные категории языка оказываются вовлечены в конструирование социально значимых смыслов в рамках институционально регламентированных жанров. В работе развиваются два взаимосвязанных теоретических направления. Во-первых, конкретизируется концепция «культуры отказа» путем помещения в фокус анализа конкретных языковых механизмов экспертизы в жанре отзыва официального оппонента. Во-вторых, исследование вписывается в проблематику эмотивной лингвоэкологии, демонстрируя, каким образом выбор стратегий отрицания позволяет оппоненту защитить адресата от деструктивного воздействия критики, сохраняя при этом необходимую объективность суждения. Кроме того, в работе демонстрируется эвристический потенциал модели К. Цзяна и К. Хайленда применительно к русскоязычному материалу, что открывает перспективы для ее дальнейшей адаптации при анализе других оценочных жанров академического дискурса.

Типология коммуникативных стратегий отрицания, разумеется, не является исчерпывающей. Выявленные семь стратегий отражают те закономерности, которые были установлены на материале лишь 60 отзывов официальных оппонентов по филологическим наукам. Однако очевидно, что как внутри данной дисциплины, так и за ее пределами могут существовать иные стратегии, не вошедшие в предложенную типологию, или же выделенные стратегии могут получать специфическую реализацию в других научных областях. Поэтому перспективы исследования видятся в двух направлениях. Во-первых, расширение корпуса за счет отзывов по другим научным специальностям позволило бы верифицировать универсальность выделенных стратегий, выявить возможные дисциплинарные различия в их реализации и расширить их число.

Во-вторых, поскольку в фокусе настоящего исследования находились только эксплицитные средства отрицания, за рамками анализа остался обширный пласт имплицитных способов. Его описание могло бы дополнить картину коммуникативных стратегий отрицания. В совокупности эти направления, на наш взгляд, способны существенно расширить сложившиеся представления о роли отрицания в экспертной оценке. В-третьих, дальнейшее развитие исследования может быть связано с расширением корпуса за счет отрицательных отзывов, что позволит описать более полный спектр стратегий отрицания, используемых в практике диссертационной экспертизы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Викторова Е.Ю.** Хеджирование в письменной научной речи как проявление ее диалогичности (на материале отзывов о диссертации) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24. Вып. 4. С. 371–378. DOI: 10.18500/1817-7115-2024-24-4-371-378
2. **Баканова О.С.** Особенности выражения положительной оценки в научном тексте (на материале официальных отзывов оппонентов о диссертации) // Мир русского слова. 2019. № 2. С. 37–41. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12037
3. **Петренко Ю.А.** Отзыв как жанр академического дискурса и его основные характеристики (на примере отзывов на диссертации и авторефераты диссертаций) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 11. С. 262–267. DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.55
4. **Викторова Е.Ю.** Хеджи vs бустеры: коммуникативное смягчение и усиление в жанре официального отзыва на диссертацию // Жанры речи. 2023. Т. 18. № 2 (38). С. 126–131. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131
5. **Jiang F., Hyland K.** “The datasets do not agree”: Negation in research abstracts // English for Specific Purposes. 2022. Vol. 68. P. 60–72. DOI: 10.1016/j.esp.2022.06.003
6. **Викторова Е.Ю.** Хеджинг-стратегия в оценочном научном дискурсе: междисциплинарное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т. 23. № 1. С. 5–17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.1.1
7. **Boginskaya O.A.** Linguistic insights into attitudinal stance in Russian philology thesis reviews // Training, Language and Culture. 2024. Vol. 8, № 3. P. 95–104. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-3-95-104
8. **Богинская О.А.** Лексико-синтаксические актуализаторы хеджирования в русском языке: опыт анализа отзывов о диссертации // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 18–32. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-1-18-32
9. **Yuan Y., Liu L., Jiang F.** When reviewers negate and authors navigate: Negation in peer review comments and author responses // English for Specific Purposes. 2025. Vol. 80. P. 31–43. DOI: 10.1016/j.esp.2025.05.008
10. **Нефёдов С.Т.** Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18. № 4. С. 760–778. DOI: 10.21638/spbu09.2021.408
11. **Hood S.** Appraising Research: Evaluation in Academic Writing. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. XI, 227 p. DOI: 10.1057/9780230274662
12. **Hyland K., Diani G.** Introduction: Academic evaluation and review genres. Academic evaluation: Review genres in university settings / ed. by K. Hyland, G. Diani. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. DOI: 10.1057/9780230244290_1
13. **Ellinger A., Jonsson P., Chapman K., Ellinger A.E.** The Ideal Review Process Is a Three-Way Street // Human Resource Development Review. 2023. Vol. 22. Iss. 2. P. 251–274. DOI: 10.1177/1534-4843231170030
14. **Кондратенко П.И.** Лингвокультурные особенности оценивания в научно-экспертной коммуникации (на материале немецко- и русскоязычных лингвистических рецензий) // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 66–74. DOI: 10.18721/JHSS.13207

15. **Ключкова Е.С.** Стратегии оценки в открытой научной рецензии: полярность оценки и вариативность ее репрезентации // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16. № 2. С. 56–70. DOI: 10.18721/JHSS.16204
16. **Пешковский А.М.** Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 512 с.
17. **Падучева Е.В.** Отрицание // *Материалы к корпусной грамматике русского языка. Грамматические категории и синтаксические классы* / отв. ред. В.А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 285–338.
18. **Бондаренко В.Н.** Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983. 212 с.
19. **Парвиз М., Чжан Ц.** Отрицание в аннотациях диссертаций английских, китайских и иранских авторов в кросс-культурном аспекте // *Russian Journal of Linguistics*. 2025. Т. 29. № 3. С. 513–537. DOI: 10.22363/2687-0088-42981
20. **Нефедов С.Т.** Катализаторы оценки: как распознать оценочные смыслы // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15. № 11. С. 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945
21. **Чернявская В.Е.** Культура отказа в научной коммуникации: семантика и прагматика отрицательной оценки в экспертизе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024. Т. 21. № 4. С. 956–975. DOI: 10.21638/spbu09.2024.411
22. **Allen K.-A., Gregory D.M., Saeed P., Shane J.R., Hattie J.** Addressing academic rejection: Recommendations for reform // *Journal of University Teaching and Learning Practice*. 2020. Vol. 17. Iss. 5. Art. no. 19. DOI: 10.53761/1.17.5.18
23. **Day N.E.** The Silent Majority: Manuscript Rejection and Its Impact on Scholars // *Academy of Management Learning & Education*. 2011. Vol. 10. Iss. 4. P. 704–718. DOI: 10.5465/amle.2010.0027
24. **Horn S.A.** The Social and Psychological Costs of Peer Review: Stress and Coping With Manuscript Rejection // *Journal of Management Inquiry*. 2016. Vol. 25. Iss. 1. P. 11–26. DOI: 10.1177/1056492615586597
25. **Шаховский В.И.** Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015 № 1. С. 11–19.
26. **Sun S.A., Crosthwaite P.** “The findings might not be generalizable”: Investigating negation in the limitations sections of PhD theses across disciplines // *Journal of English for Academic Purposes*. 2022. Vol. 59. Art. no. 101155. DOI: 10.1016/j.jeap.2022.101155
27. **Chernyavskaya V.E.** To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews // *Training, Language and Culture*. 2023. Vol. 7. Iss. 2. P. 55–63. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63
28. **Ларина Т.В.** Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 507 с.
29. **Кондратенко П.И.** (Де)интенсификаторы оценок на службе вежливой научно-экспертной коммуникации: лингвокультурные особенности // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Т. 13. С. 63–81. DOI: 10.21638/spbu33.2023.103
30. **Ларина Т.В.** Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // *Вопросы психолингвистики*. 2019. Т. 1. № 39. С. 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57

REFERENCES

- [1] **Viktorova E.Y.**, Hedging in written academic discourse as manifestation of its dialogue nature (based on dissertation reviews), *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 24 (4) (2024) 371–378. DOI: 10.18500/1817-7115-2024-24-4-371-378
- [2] **Bakanova O.S.**, Peculiarities of expression of a positive evaluation in scientific text: on the basis of reviews of official opponents of the thesis, *World of the Russian Word*, 2 (2019) 37–41. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12037
- [3] **Petrenko Y.A.**, Basic Characteristics of Review as Academic Discourse Genre (by the Material of Reviews on Theses and Author’s Abstracts), *Philology. Theory & Practice*, 13 (11) (2020) 262–267. DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.55

- [4] **Viktorova E.Y.**, Article Hedges vs boosters: Communicative mitigation and enhancement in the genre of dissertation review, *Speech Genres*, 18 (2 (38)) (2023) 126–131. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131
- [5] **Jiang F., Hyland K.**, “The datasets do not agree”: Negation in research abstracts, *English for Specific Purposes*, 68 (2022) 60–72. DOI: 10.1016/j.esp.2022.06.003
- [6] **Viktorova E.Y.**, Transdisciplinary Study of Hedging Strategy in Evaluative Academic Discourse, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 23 (1) (2024) 5–17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.1.1
- [7] **Boginskaya O.A.**, Linguistic insights into attitudinal stance in Russian philology thesis reviews, *Training, Language and Culture*, 8 (3) (2024) 95–104. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-3-95-104
- [8] **Boginskaya O.A.**, Russian lexical and syntactic hedges in dissertation reviews, *Russian Language Studies*, 21 (1) (2023) 18–32. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-1-18-32
- [9] **Yuan Y., Liu L., Jiang F.**, When reviewers negate and authors navigate: Negation in peer review comments and author responses, *English for Specific Purposes*, 80 (2025) 31–43. DOI: 10.1016/j.esp.2025.05.008
- [10] **Nefedov S.T.**, The variety of evaluation in communicative practices of academic discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18(4) (2022) 760–778. DOI: 10.21638/spbu09.2021.408
- [11] **Hood S.**, *Appraising Research: Evaluation in Academic Writing*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2010. DOI: 10.1057/9780230274662
- [12] **Hyland K., Diani G.**, Introduction: Academic evaluation and review genres. *Academic evaluation: Review genres in university settings*, ed. by K. Hyland, G. Diani, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2009. DOI: 10.1057/9780230244290_1
- [13] **Ellinger A., Jonsson P., Chapman K., Ellinger A.E.**, The Ideal Review Process Is a Three-Way Street, *Human Resource Development Review*, 22 (2) (2023) 251–274. DOI: 10.1177/15344843231170-030
- [14] **Kondratenko P.I.**, Linguistic and cultural features of evaluation in academic expert communication (based on German and Russian academic reviews in Linguistics), *Terra Linguistica*, 13 (2) (2022) 66–74. DOI: 10.18721/JHSS.13207
- [15] **Klochkova Ye.S.**, Evaluation strategies in open peer-review: Polarity of evaluation and representational variability, *Terra Linguistica*, 16 (2) (2025) 56–70. DOI: 10.18721/JHSS.16204
- [16] **Peshkovskiy A.M.**, *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian Syntax from a Scientific Perspective]*, 7th ed., Uchpedgiz, Moscow, 1956.
- [17] **Paducheva Ye.V.**, *Otritsaniye [Negation], Materialy k korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Grammaticheskiye kategorii i sintaksicheskiye klassy [Materials for a Corpus-Based Grammar of Russian: Grammatical Categories and Syntactic Classes]*, ed. by V.A. Plungyan, Nestor-Istoriya, St. Petersburg, 2020, pp. 285–338.
- [18] **Bondarenko V.N.**, *Otritsaniye kak logiko-grammaticheskaya kategoriya [Negation as a logical-grammatical category]*, Nauka, Moscow, 1983.
- [19] **Parviz M., Zhang Q.**, Negation in thesis and dissertation abstracts by English, Chinese, and Iranian writers from a cross-cultural perspective, *Russian Journal of Linguistics*, 29 (3) (2025) 513–537. DOI: 10.22363/2687-0088-42981
- [20] **Nefedov S.T.**, Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings, *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 15 (11) (2022) 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945
- [21] **Chernyavskaya V.E.**, Culture of rejection in scientific communication: Semantics and pragmatics of negative evaluative language in peer-review, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 21 (4) (2024) 956–975. DOI: 10.21638/spbu09.2024.411
- [22] **Allen K.-A., Gregory D.M., Saeed P., Shane J.R., Hattie J.**, Addressing academic rejection: Recommendations for reform, *Journal of University Teaching and Learning Practice*, 17 (5) (2020) 19. DOI: 10.53761/1.17.5.18
- [23] **Day N.E.**, The Silent Majority: Manuscript Rejection and Its Impact on Scholars, *Academy of Management Learning & Education*, 10 (4) (2011) 704–718. DOI: 10.5465/amle.2010.0027
- [24] **Horn S.A.**, The Social and Psychological Costs of Peer Review: Stress and Coping With Manuscript Rejection, *Journal of Management Inquiry*, 25 (1) (2016) 11–26. DOI: 10.1177/1056492615586597

[25] **Shakhovsky V.I.**, Ecological Compatibility Mode in Emotional Communication, Russian Journal of Linguistics, 1 (2015) 11–19.

[26] **Sun S.A., Crosthwaite P.**, “The findings might not be generalizable”: Investigating negation in the limitations sections of PhD theses across disciplines, Journal of English for Academic Purposes, 59 (2022) 101155. DOI: 10.1016/j.jeap.2022.101155

[27] **Chernyavskaya V.E.**, To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews, Training, Language and Culture, 7 (2) (2023) 55–63. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63

[28] **Larina T.V.**, Kategoriya veshlivosti i stil kommunikatsii: Sopostavleniye angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy [The Category of Politeness and Communication Style: A Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions], Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow, 2009.

[29] **Kondratenko P.I.**, Evaluative (de)intensifiers in the service of polite academic expert communication: linguistic and cultural specifics, German Philology at the St Petersburg State University, 13 (2023) 63–81. DOI: 10.21638/spbu33.2023.103

[30] **Larina T.V.**, Emotive ecology and emotive politeness in English and Russian blind peer-review, Journal of Psycholinguistics, 1 (39) (2019) 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Богинская Ольга Александровна

Olga A. Boginskaya

E-mail: boginskayaoa@ex.istu.edu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

Поступила: 15.07.2026; Одобрена: 19.08.2026; Принята: 30.08.2026.

Submitted: 15.07.2026; Approved: 19.08.2026; Accepted: 30.08.2026.